

МРНТИ 13.15.59
УДК 342.7:304.4
JEL K10, Z18

<https://doi.org/10.46914/2959-4197-2026-1-3-75-90>

АБУЕВА Н.А.,^{*1, 2}

д.полит.н., профессор.

*e-mail: abu2007@bk.ru;

n.abueva@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0002-7550-9261

БУЗЕЛО А.С.,¹

к.ф.н., профессор.

e-mail: a.buzelo@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0001-5457-1237

ШИНДАЛИЕВА М.Б.,¹

д.пед.н., профессор.

e-mail: m.shindaliyeva@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0002-7813-9294

КАРАКУШЕВ Д.Б.,¹

м.соц.н., специалист.

e-mail: 23242594@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0009-7927-631X

¹Университет «Туран»,

г. Алматы, Республика Казахстан

²Чжэцзянский университет

иностраннных языков Юесю,

г. Шаосин, КНР

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация

Культурный код представляет собой динамическую систему исторической памяти, языка, ценностей, символов, традиций и социальных практик, обеспечивающих узнаваемость и преемственность общества. Вместе с тем в юридической науке механизмы его формирования нередко сводятся к разрозненным нормам об охране культурного наследия, тогда как взаимосвязь прав, процедур, институтов и цифровых гарантий остается недостаточно раскрытой. Цель исследования состоит в разработке комплексной правовой модели формирования культурного кода на основе международных стандартов и действующего законодательства Республики Казахстан. Применены формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, герменевтический и рискориентированный методы. Обосновано, что культурный код не является фиксированным содержанием, непосредственно создаваемым государством: право устанавливает условия, при которых культурные смыслы сохраняются, интерпретируются, передаются и обновляются при участии их носителей. Выделены пять уровней правового механизма: конституционно-ценностный; институционально-политический; выявление, охрана и передача наследия; гарантирование участия и культурных прав; цифровое и интеллектуально-правовое регулирование. Наряду с достоинствами казахстанской модели установлены отраслевая фрагментарность норм, преобладание детального регулирования материального наследия, недостаточная определенность процедурных прав сообществ-носителей и слабая разработанность специальных гарантий цифрового использования культурных данных. Научная ценность исследования заключается в переходе от понимания культурного кода как статичного объекта охраны к его рассмотрению как системы общественных отношений, воспроизводимой посредством юридических процедур. Практическая значимость состоит в предложениях закрепить принципы участия, согласия, прозрачности, обжалования, доступности и ответственного управления культурными данными.

Ключевые слова: культурный код, культурные права, культурное наследие, нематериальное культурное наследие, правовой механизм, общественное участие, цифровизация.

Введение

Понятие культурного кода вошло в гуманитарный дискурс как средство описания устойчивых способов, посредством которых общество распознает себя, связывает прошлое с настоящим и придает значение языку, историческим событиям, символам, нормам поведения и повседневным практикам. В казахстанском медиадискурсе культурный код соотносится, в частности, с согласием, толерантностью, гостеприимством и уважением, а цифровая коммуникация рассматривается как среда его воспроизводства и изменения [1]. В историко-правовой литературе внимание переносится на связь ценностной системы, правовой идеологии, представлений о свободе, ответственности и общем благе [2]. Эти подходы показывают, что культурный код не ограничивается совокупностью памятников или фольклорных элементов: он существует как система значений, поддерживаемая институтами, языком, образованием, публичной памятью и практиками участия.

Юридическое исследование этой категории сталкивается с принципиальной трудностью. Выражение «формирование культурного кода» может обозначать как создание государством условий для свободного сохранения и развития культурных форм, так и административное закрепление единственно допустимой версии прошлого и идентичности. В первом случае право обеспечивает преемственность, разнообразие и участие; во втором оно рискует превратиться в инструмент унификации. Поэтому предмет правового анализа должно быть не содержание «правильного» культурного кода, а пределы и процедуры публичного воздействия на процессы культурного воспроизводства. Иными словами, правовая задача состоит не в том, чтобы предписать обществу набор неизменных смыслов, а в том, чтобы создать легитимные условия их сохранения, интерпретации, передачи и обновления.

Актуальность проблемы усиливается обновлением конституционной и культурно-политической основы Республики Казахстан. Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 г., закрепляет обязанность граждан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия и бережно относиться к памятникам истории и культуры [3]. Закон Республики Казахстан «О культуре» регулирует государственную политику в сфере культуры и прямо включает в правовой оборот понятие нематериального культурного наследия [4]. Концепция культурной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы связывает развитие культуры с национальной идентичностью, исторической памятью, доступностью культурных благ, творческими индустриями и цифровой трансформацией [5]. Таким образом, терминологически широкая идея культурного кода уже имеет несколько юридических опор, однако они распределены между конституционными нормами, культурным, языковым, образовательным, информационным и наследственным регулированием.

Международное право задает иной, правозащитный ракурс. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах признает право каждого участвовать в культурной жизни и обязывает государства принимать законодательные и иные меры для его постепенного осуществления [6]. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам разъясняет, что культура включает образ жизни, язык, устную и письменную литературу, музыку, ритуалы, знания, обычаи и способы взаимодействия человека с окружающей средой; участие в культурной жизни предполагает доступ, участие и вклад в культурное развитие [7]. Следовательно, легитимность правовых механизмов формирования культурного кода зависит не только от эффективности охраны, но и от недискриминации, доступности, возможности культурных групп определять значимые для них формы и влиять на решения публичной власти.

Состояние научной разработанности темы характеризуется разрывом между несколькими исследовательскими направлениями. Одни работы посвящены понятию культурного кода и его проявлениям в языке, медиадискурсе и правовой культуре [1; 2]. Другие исследуют международное право культурного наследия и постепенный переход от охраны исключительных объектов к признанию живых практик и культурных прав. Третье направление анализирует цифровизацию наследия, интеллектуальную собственность и новые формы контроля над культурными данными. При этом комплексная юридическая модель, объединяющая ценностные нормы, институциональные полномочия, процедуры признания наследия, права носителей, доступность и цифровые гарантии, остается недостаточно разработанной.

Объект исследования – общественные отношения, которые складываются вокруг культурно значимых смыслов: их сохранения, истолкования, передачи следующим поколениям и обновления. Предметом стали международно-правовые стандарты, законодательство Республики Казахстан, административные процедуры и доктринальные подходы – все то, что определяет роли государства, культурных организаций, сообществ и частных цифровых субъектов в этих отношениях. Цель – построить системную модель правовых механизмов формирования культурного кода и проверить на ней действующую нормативную архитектуру Казахстана.

Отсюда пять задач. Нужно уточнить, что в понятии культурного кода поддается юридическому применению, и отделить правовое обеспечение культурного воспроизводства от государственного конструирования идентичности. Затем – определить уровни и элементы правового механизма и на этой основе оценить казахстанское регулирование: его сильные стороны и пробелы. Наконец, предложить процедурные и цифровые гарантии, способные повысить его согласованность. Гипотеза формулируется так: культурный код воспроизводится устойчиво не потому, что закон закрепляет конкретный набор ценностей, а потому, что согласованно работают пять групп механизмов – конституционно-ценностные, институционально-политические, наследственно-трансляционные, правозащитно-партиципаторные и цифровые.

Новизна работы состоит в трех вещах. Культурный код мы рассматриваем не как самостоятельный объект вещной или административной охраны, а как динамическую систему отношений между культурными формами, их носителями, институтами и аудиториями. Второе положение разграничивает содержательную и процедурную функции права: закон может признавать общественную значимость культурных ценностей, но легитимность ему дает другое – прозрачные процедуры отбора, участия, передачи, доступа и пересмотра решений. Третье касается цифровой среды. Она включена в модель не как технический канал доставки, а как отдельная зона юридических рисков: авторство, лицензирование, контекст использования, алгоритмическая репрезентация, контроль над культурными данными.

Материалы и методы

Эмпирическую базу работы составили источники трех типов. Международный слой представлен Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах [6], Общим комментарием № 21 Комитета ООН [7] и двумя конвенциями ЮНЕСКО – 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия [8] и 2003 г. об охране нематериального культурного наследия [9]. Вторую из них Казахстан ратифицировал Законом от 21 декабря 2011 г. № 514-IV [10]. Национальный пласт – это действующие конституционные и отраслевые акты республики. Третья группа сознательно ограничена публикациями 2021–2025 гг.: критикой списочных моделей охраны, работами о культурных правах и участии сообществ, о биокультурном наследии, цифровом доступе, интеллектуальной собственности и культурных данных.

Работа строилась в пять шагов. Первый – понятийно-правовой анализ, давший перечень признаков культурного кода, пригодных для юридической операционализации: общественное признание, межпоколенческая передача, символическая функция, связь с идентичностью, изменчивость и наличие носителей. Далее формально-юридический разбор показал, какие права, обязанности, полномочия и процедуры уже закреплены в международных и национальных актах. Системно-структурный метод позволил разнести эти нормы по функциональным блокам и оценить связи между ними. Сравнительно-правовой материал мы использовали осторожно: не для заимствования готовых решений, а для выявления типичных регуляторных рисков. Наконец, собранная модель была проверена на соответствие правозащитным и институциональным критериям.

Отдельные методы решали разные задачи. Формально-юридический – терминологическую: через него уточнялось содержание понятий «культура», «культурное наследие», «нематериальное культурное наследие», «охрана», «участие» и «доступ». Герменевтика понадобилась там, где законодатель говорит о культурных ценностях двусмысленно – одновременно как об объекте государственной защиты и как о предмете свободной деятельности лиц и сообществ. Системный подход удерживал культурное законодательство в связке с языковой политикой, образованием, цифровизацией, интеллектуальной собственностью и административными проце-

дурами; без этого разрывы между отраслями просто не видны. Риск-ориентированный анализ отвечал за другое – за последствия: что происходит, когда признание наследия монополизировано государством, когда отдельные группы исключены, когда практика коммерциализируется, теряет контекст или используется в цифровой форме без разрешения.

Чтобы выводы не свелись к пересказу национальных норм, нормативные предписания сопоставлялись с независимой научной критикой. С. Ласаро Ортис и С. Хименес де Мадариага показывают, что международное признание само по себе не снимает противоречия между универсализацией, репрезентативностью и живой изменчивостью практик [11]. У Дж. Айхлер акцент иной: доступ к площадкам, где решается, что считать наследием, распределен неравномерно [12]. К. Сикора идет дальше консультаций и обосновывает совместное создание решений с сообществами [13]. Наконец, Л. Ликсински ставит под сомнение три привычные послышки – самоочевидность ценности, абсолютную аутентичность и безусловный авторитет экспертов [14]. Схождение этих выводов с логикой международных актов стало дополнительной проверкой.

Нормативная архитектура и предлагаемая модель оценивались по шести критериям; подробно они раскрыты в разделе результатов, здесь достаточно кратких определений. Правовая определенность – это ясность статуса объектов, субъектов, полномочий и процедур. Правозащитная ориентация требует соблюдения культурных прав и свободы творчества, недискриминации и поддержки разнообразия. Партисипаторность – не формальность, а реальное влияние носителей культуры на идентификацию, документирование, использование и передачу наследия. За доступностью стоят четыре измерения – физическое, экономическое, языковое и технологическое. Исполнимость проверяется прозаичнее: согласованы ли действия органов, есть ли финансирование, сроки, ответственные, контроль и средства обжалования. Адаптивность – способность регулирования меняться вслед за практиками, технологиями и неоднородностью самих сообществ.

У работы есть очевидное ограничение: она доктринально-нормативная. Мы не опрашивали носителей отдельных элементов наследия и не измеряли эффективность государственных проектов количественно. Поэтому все сказанное ниже характеризует качество нормативной конструкции и институциональные риски – но не то, насколько конкретные ценности реально усвоены населением. Такое сужение сознательно и соответствует цели: построить юридическую модель, которая может стать рамкой для последующего эмпирического исследования процедур участия и цифрового использования культурных материалов.

Результаты

Юридическое содержание культурного кода

Анализ позволяет определить культурный код как исторически изменяющуюся систему общественно признаваемых смыслов. Она выражена в языке, памяти, символах, знаниях, нормах поведения, материальных объектах и нематериальных практиках – через них лица и сообщества опознают себя и передают культурный опыт. В таком определении важны четыре момента. Код существует не только в материальных, но и в процессуальных формах. Его носитель – не абстрактное государство и не одни лишь профессиональные учреждения, а конкретные сообщества, группы, отдельные люди. Передача здесь не копирование, а постоянное воссоздание в новых условиях. И наконец, общественное признание не сводится к административному включению в официальный перечень.

Определение не расходится с Конвенцией 2003 г.: она понимает нематериальное культурное наследие как практики, представления, выражения, знания и навыки, которые сообщества признают частью своего наследия и передают из поколения в поколение [9]. Но культурный код шире. В него входит связь живых практик с материальными объектами, природной средой, языком, массовой коммуникацией и правовыми представлениями. Работы по биокультурному наследию показывают, насколько искусственно жесткое деление на природное, материальное и нематериальное: практика часто неотделима от ландшафта и от отношений человека со средой [15]. Отсюда требование к правовому механизму – быть межотраслевым, но не фрагментарным.

Формирование, охрану и воспроизводство культурного кода стоит развести юридически. Охрана работает на предотвращение: утраты, разрушения, незаконного вывоза, присвоения, искажения. Воспроизводство – это образование, живой язык, ритуальная практика, творческая переработка, публичная дискуссия, цифровое распространение. Формирование шире обоих понятий, потому что включает институциональный выбор: какие элементы получают публичную видимость, финансирование, место в учебных программах, музейной экспозиции, государственной церемонии, на цифровой платформе. Именно такой выбор нуждается в юридических ограничениях – он распределяет и символические, и материальные ресурсы.

Само воздействие права на культурный код идет по трем линиям. Нормативно-охранительная устанавливает запреты и обязанности по сохранению объектов и практик. Организационно-распределительная создает учреждения, перечни, гранты, образовательные программы, цифровую инфраструктуру. Процедурно-гарантийная отвечает на вопросы «кто участвует в решении», «как учитываются разные позиции» и «каким образом оспорить исключение или недобросовестное использование». Первые две разработаны традиционно лучше третьей. Между тем отличить поддержку культуры от навязывания культурной иерархии позволяют именно процедурные гарантии.

Закреплять исчерпывающую официальную формулу культурного кода праву не следует. Такая формула неизбежно отставала бы от общественных изменений, а заодно создавала риск исключить альтернативный опыт – региональный, этнический, языковой, религиозный, профессиональный. Юридически продуктивнее определять не содержание кода, а принципы и механизмы его воспроизводства: преемственность и культурное разнообразие, добровольность участия, уважение достоинства, доступность, достоверность происхождения, участие носителей, открытость решений, ответственность за использование культурных материалов.

Пять уровней правового механизма

Под правовым механизмом формирования культурного кода мы понимаем согласованную систему норм, институтов, административных процедур, гарантий, стимулов и мер ответственности – ту, что делает легитимными сохранение, истолкование, передачу и обновление культурно значимых смыслов. Линейной эта структура не является. Конституционные ценности задают пределы публичной политики; отраслевые нормы распределяют полномочия; процедуры признания делают отдельные элементы юридически видимыми; культурные права корректируют государственный выбор; цифровые гарантии регулируют новые способы хранения, обработки и использования.

Конституционно-ценностный уровень – первый. На нем располагаются достоинство личности, равенство, свобода творчества и выражения, право участвовать в культурной жизни, защита языковой и культурной идентичности, обязанность бережно относиться к наследию. Конкретные символы здесь не выбираются; задача уровня – удерживать баланс между публичным интересом в культурной преемственности и свободой культурного самоопределения. Пакт и Общий комментарий № 21 выводят отсюда триединую обязанность государства: уважать культурную деятельность, защищать ее от вмешательства третьих лиц и принимать позитивные меры для доступности культурной жизни [6, 7].

Второй уровень, институционально-политический, – это компетенция: правительства, уполномоченного органа в сфере культуры, местных исполнительных органов, архивов, музеев, библиотек, образовательных учреждений, экспертных советов. Здесь принимают концепции и планы, распределяют бюджет, поддерживают творческие проекты, строят инфраструктуру. Юридических требований к нему четыре: разграничение полномочий, межведомственная координация, прозрачность финансирования, измеримость результатов.

Дальше идет наследственно-трансляционный уровень. Его содержание – вся цепочка от выявления и документирования до учета, включения в перечни, охраны, консервации, исследования, популяризации, обучения и передачи. Модель государственной ответственности за выявление, защиту, сохранение, представление и передачу материального наследия будущим поколениям сформировала Конвенция 1972 г. [8]. Конвенция 2003 г. добавила к ней признание живого характера практик, роль формального и неформального образования, участие сообществ [9]. Применительно к культурному коду задача этого уровня – сохранить жизнеспособность культурной формы, а не только зафиксировать ее в архиве.

Правозащитно-партиципаторный уровень, четвертый по счету, обращен к самим носителям: он дает им возможность участвовать в идентификации и управлении наследием, получать доступ к культурной жизни, создавать новые формы, защищаться от дискриминации и присвоения. Формальная доступность контента при этом мало что решает. Исследование цифровой культуры фиксирует структурные барьеры для лиц с инвалидностью, языковых и иных уязвимых групп: публичные органы обязаны считаться с технической доступностью, навыками, стоимостью подключения и качеством репрезентации [16]. Значит, участие не может быть разовым публичным обсуждением – оно охватывает подготовку решения, реализацию, мониторинг и пересмотр.

Пятый уровень – цифровой и интеллектуально-правовой. Под его регулирование попадают оцифровка и базы данных, метаданные, авторские и смежные права, изображения культурных объектов, традиционные знания, языковые корпуса, лицензии, коммерческое использование, обучение алгоритмов искусственного интеллекта. Права на цифровые копии остаются неоднозначными, а открытый доступ, охрана авторства и институциональный контроль вступают здесь в конфликт [17]. Особый случай – традиционные знания: индивидуалистическая модель интеллектуальной собственности им не подходит, поскольку создаются и передаются они коллективно, а коммерциализация способна лишить сообщество контроля над контекстом [18]. Концепция суверенитета культурных данных предлагает закреплять за сообществами контроль, владение и попечительство и по умолчанию включать эти требования в публично-частные проекты [19]. Наконец, сравнительно-правовой анализ показывает: без координации, образовательных обязанностей и четкого распределения ответственности даже развитая культурная политика остается нормативно фрагментированной [20].

Таблица 1 – Система правовых механизмов формирования культурного кода

Уровень механизма	Основные правовые инструменты	Функция	Ключевой риск	Необходимая гарантия
Конституционно-ценностный	Конституция, международные культурные права, принципы равенства и свободы	Задаёт пределы государственной политики и защищает культурное самоопределение	Идеологическая унификация	Соразмерность, недискриминация, свобода творчества и выражения
Институционально-политический	Законы, концепции, планы, компетенция органов, финансирование	Организует инфраструктуру, поддержку и координацию	Ведомственная фрагментарность и непрозрачный выбор приоритетов	Разграничение полномочий, открытые критерии, публичная отчетность
Наследственно-трансляционный	Перечни, учет, охрана, образование, исследования, популяризация	Обеспечивает жизнеспособность и межпоколенческую передачу	«Замораживание» живой практики и доминирование экспертной оценки	Периодический пересмотр, участие носителей, поддержка практики, а не только объекта
Правозащитно-партиципаторный	Культурные права, консультации, совместное управление, обжалование	Легитимирует решения и обеспечивает доступ различных групп	Исключение менее влиятельных носителей и символическое участие	Репрезентативность, документированное согласие, доступность и независимый пересмотр
Цифровой и интеллектуально-правовой	Авторское право, лицензии, договоры, базы данных, правила ИИ и защиты данных	Обеспечивает сохранение и распространение в цифровой среде	Деконтекстуализация, присвоение, цифровое неравенство, несанкционированное обучение ИИ	Происхождение данных, дифференцированный доступ, контроль сообщества, условия повторного использования
Примечание: Составлено авторами на основе источников [3–20].				

Нормативная архитектура Республики Казахстан

Применение предложенной модели к законодательству Казахстана выявляет значительный нормативный фундамент. Конституция закрепляет охрану исторического и культурного наследия как общественно значимую обязанность [3]. Закон «О культуре» определяет принципы государственной политики, статус организаций культуры, формы государственной поддержки и нематериальное культурное наследие [4]. Концепция культурной политики на 2023–2029 годы объединяет вопросы национальной идентичности, современной культурной продукции, инфраструктуры, творческих индустрий, международного сотрудничества и цифровизации [5]. Эти акты создают ценностный и институциональный каркас, в котором культурный код может рассматриваться как результат взаимодействия памяти, языка, наследия, творчества и публичной коммуникации.

Правовой режим материального наследия детализирован Законом Республики Казахстан «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия». Он регулирует выявление, учет, статус, охрану, использование, научно-реставрационные работы и государственный контроль [21]. Для культурного кода значение закона состоит в сохранении пространственных и предметных носителей памяти. Вместе с тем материальный объект не существует вне интерпретации: памятник приобретает культурное значение через рассказ о нем, ритуал, образование, язык и локальную практику. Поэтому эффективность закона зависит от связи с регулированием нематериального наследия и правом местных сообществ участвовать в определении способов использования культурного пространства.

Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» имеет самостоятельное значение, поскольку язык является одновременно средством коммуникации, хранилищем понятий и каналом межпоколенческой передачи [22]. Правовые механизмы языковой политики воздействуют на культурный код через образование, делопроизводство, средства массовой информации, топонимику, культурную продукцию и доступ к публичным услугам. Однако юридически значимым является не только расширение функциональной сферы языка, но и обеспечение качества культурного содержания, возможности использования языков различных групп и предотвращение того, чтобы языковое регулирование приводило к исключению граждан из культурной жизни.

Процедурный механизм учета нематериального наследия задан Правилами ведения Национального перечня элементов нематериального культурного наследия. Их утвердил приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 30 ноября 2015 года № 368; действующая редакция – приказ Министра культуры и информации Республики Казахстан от 13 мая 2025 года № 231-НҚ [23]. Само существование такого перечня – плюс: элементы становятся административно видимыми, информация систематизируется, появляется основание для мер поддержки. Но перечень несет и типичный для наследственного права риск. Признание превращается в дефицитный ресурс, доступ к которому зависит от владения экспертными форматами и умения подготовить заявку. Поэтому оценивать правила нужно не только по полноте документации, но и по тому, насколько представительно участие носителей, прозрачны ли критерии, возможен ли пересмотр.

Комплексный план по сохранению и продвижению культурного наследия под эгидой ЮНЕСКО на 2026–2028 годы усиливает программную составляющую. Он предусматривает мероприятия по материальному и нематериальному наследию, подготовке специалистов, продвижению объектов и применению современных технологий [24]. Для предлагаемой модели важно, чтобы цифровые базы, мультимедийные продукты и международное продвижение сопровождалось заранее определенными условиями происхождения, согласия, авторства, доступа и повторного использования. Иначе технологическая эффективность может опережать правовую защищенность носителей.

Совокупность актов показывает, что в Казахстане присутствуют все пять уровней механизма, но степень их разработки неодинакова. Наиболее ясно закреплены институциональные полномочия, охрана материальных объектов, планирование и государственная поддержка. Менее подробно урегулированы коллективные процедурные права носителей нематериального наследия, способы учета внутреннего разнообразия сообщества, обжалование решений о включении или исключении, распределение выгод от коммерческого использования, а также специальные

условия работы с цифровыми культурными данными. Следовательно, основной проблемой является не отсутствие регулирования, а недостаточная связанность его элементов.

Сравнительно-правовое исследование законодательства Саудовской Аравии показывает, что наличие общих культурных программ и охраны материальных объектов не компенсирует отсутствие согласованного режима нематериального наследия; особенно значимы образование, координация заинтересованных субъектов и ясное распределение ответственности [20]. Для Казахстана этот вывод важен не как свидетельство тождественного пробела, поскольку Закон «О культуре» признает нематериальное наследие, а как предупреждение: декларативное признание должно сопровождаться исполнимыми процедурами, ресурсами и межведомственной связью.

Критерии эффективности правового механизма

Итогом стала система из шести взаимосвязанных критериев. Они совпадают с критериями оценки, заявленными в разделе «Материалы и методы», и позволяют судить не только о наличии правовых актов, но и о качестве формирования культурного кода. Первый критерий – правовая определенность: решения о признании и поддержке опираются на опубликованные критерии, учитывают позиции носителей и допускают мотивированный пересмотр. Второй критерий – правозащитная ориентация: регулирование обеспечивает культурные права и недискриминацию и не объявляет одну версию практики единственно аутентичной, отсекая региональные или групповые варианты. Третий критерий – партисипаторность: сообщество здесь не источник материала для учреждения, а участник решений, носитель интересов, а в отдельных случаях и обладатель прав на контроль использования.

Четвертый критерий – доступность: культурная инфраструктура, цифровые ресурсы и образовательные программы должны быть физически, экономически, языково и технологически доступны. Пятый критерий – исполнимость: мера охраны эффективна, если практика реально передается и используется благодаря закреплению финансированию, срокам, ответственным субъектам и контролю, а не только описывается в реестре. Шестой критерий – адаптивность: регулирование должно учитывать изменение практик и неоднородность сообществ, а для каждого цифрового ресурса – определять происхождение, правовой статус, цель обработки, режим доступа, условия лицензирования и порядок исправления недостоверной информации.

Обсуждение

Пределы государственного формирования культурного кода

Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу, но требуют уточнения самого глагола «формировать». Государство неизбежно влияет на культурный код, поскольку определяет содержание публичного образования, сохраняет одни объекты, финансирует определенные проекты, устанавливает языковые режимы и создает цифровую инфраструктуру. Нейтрального отсутствия выбора не существует. Однако из этого не следует право государства окончательно устанавливать культурную идентичность общества. Конституционные и международные нормы переводят государственное влияние из области содержательного диктата в область правового обеспечения возможностей.

Историко-правовой подход Л.Е. Лаптевой демонстрирует тесную связь представлений о праве, свободе, ответственности и общем благе с национальной историей [2]. Его ценность для настоящего исследования заключается в признании культурной обусловленности правовых категорий. Одновременно такой подход требует предосторожности: описание исторически сложившейся модели не должно автоматически превращаться в основание для ограничения современного плюрализма. Культурный код способен включать общие символы и одновременно сохранять внутреннюю неоднородность. Поэтому юридическая политика должна поддерживать интеграцию без требования культурной однородности.

Из предлагаемой модели следует принцип воздержания от нормативного «замораживания» культурного кода. Закон может определять понятия наследия и цели политики, но не должен создавать закрытый перечень культурно правильных форм поведения. Иначе новое творчество и изменение традиции воспринимались бы как отклонение, хотя Конвенция 2003 г. специально подчеркивает постоянное воссоздание наследия сообществами [9]. Правовая охрана должна поддерживать преемственность, не лишая практику способности развиваться.

Перечни, экспертиза и участие носителей

Самая чувствительная зона – процедура официального признания. Без списков и перечней невозможны ни учет, ни финансирование, но эффект у них конституирующий: включенный элемент получает статус, ресурсы, публичную видимость, а невключенные формы начинают выглядеть менее значимыми. Критический разбор Конвенции 2003 г. обнаруживает здесь противоречие – универсальные цели сталкиваются с национальными механизмами выдвижения, которые способны стандартизировать живую практику [11]. У Дж. Айхлер тот же сюжет описан через доступ: он к языку и процедурам наследия распределен неравномерно, и внешнее признание легитимирует одни версии практики за счет других [12].

Следовательно, процедурная справедливость должна стать самостоятельной целью культурного законодательства. Консультация не является достаточной, если решение уже принято, участники не представляют внутреннее разнообразие сообщества или не получают информацию о последствиях. Правозащитный подход К. Сикоры предполагает совместное создание наследия с местными и коренными сообществами, а не только их присутствие при экспертном решении [13]. В казахстанских условиях это означает необходимость закрепить права инициировать включение, знакомиться с материалами, выдвигать представителей, давать мотивированные возражения, получать ответ, участвовать в плане охраны и требовать пересмотра при изменении практики.

Экспертиза остается необходимой для исторической достоверности, состояния объекта, документации и оценки угроз. Однако критика Л. Ликсински показывает, что экспертное знание не является нейтральным и может воспроизводить устаревшие представления об аутентичности и иерархии ценностей [14]. Поэтому экспертное заключение должно быть одним из элементов решения, а не заменой публичной процедуры. Состав экспертных органов целесообразно раскрывать, конфликты интересов – декларировать, а заключения – публиковать в доступной форме.

Внутренняя неоднородность сообщества создает дополнительную проблему. Термин «носители» не должен означать, что существует единый представитель, способный окончательно выражать интересы всех. Возрастные, гендерные, региональные и профессиональные различия могут порождать разные взгляды на публичность, коммерциализацию и допустимые изменения практики. Правовая процедура должна позволять фиксировать разногласия, использовать несколько форм представительства и устанавливать особые ограничения для сакральных либо закрытых знаний. В этом смысле принцип свободного, предварительного и информированного согласия может использоваться как ориентир для решений с существенными последствиями, даже если конкретная ситуация формально не относится к праву коренных народов.

На практике это означает трехступенчатую модель. Сначала идентификация: инициатор описывает круг носителей и подтверждает, что они проинформированы. Затем признание – открытая экспертиза и консультация, в ходе которой можно представить альтернативные описания элемента. Наконец, реализация, где носители участвуют в плане охраны, в выборе режима публикации и в мониторинге. И само решение не должно сводиться к названию элемента: в нем нужны обязательства государства и учреждений, сроки, источники финансирования, порядок пересмотра.

Связь культурных прав, доступности и социальной интеграции

Право участвовать в культурной жизни изменяет традиционную логику, в которой государство охраняет объект, а население выступает пассивной аудиторией. Общий комментарий № 21 рассматривает участие как возможность получать доступ, участвовать и вносить вклад [7]. Поэтому правовой механизм должен включать поддержку культурного производства и право на создание новых интерпретаций. Защита культурного кода, исключаяющая современное творчество, способна сохранить форму, но утратить социальную функцию.

Цифровизация расширяет доступ, однако не автоматически. Исследование Н. Хиггинс, Д. Ферри и К. Доннеллан выявляет структурные барьеры, с которыми сталкиваются языковые меньшинства, лица с инвалидностью и другие уязвимые группы [16]. Для Казахстана это означает, что показатели количества оцифрованных объектов следует дополнять требованиями доступного интерфейса, субтитров, тифлокомментирования, совместимости со вспомогательными технологиями, многоязычного поиска и возможности низкоскоростного доступа. Куль-

турная доступность является юридическим качеством услуги, а не благотворительным дополнением.

Биокультурный подход также расширяет понимание доступа. Связь культурной практики с землей, водой, традиционным природопользованием и ландшафтом означает, что сохранение символического описания не заменяет возможность продолжать саму практику [15]. При принятии градостроительных, экологических и туристских решений необходимо оценивать их воздействие на культурную жизнеспособность. Такая оценка могла бы стать межотраслевым инструментом, аналогичным оценке воздействия, но ориентированным на языковую, ритуальную, социальную и пространственную связь.

Культурные права одновременно поддерживают социальную интеграцию и ограничивают унификацию. Общие культурные институты и символы могут формировать принадлежность к обществу, однако устойчивое единство достигается не устранением различий, а признанием равного достоинства культурных форм. Правовая модель поэтому должна сочетать общенациональные программы с региональными и локальными инициативами, а централизованное финансирование – с конкурсными механизмами, доступными небольшим сообществам.

Цифровое воспроизводство и управление культурными данными

Цифровая среда меняет не только способы распространения, но и структуру контроля над культурным кодом. Оцифрованный объект может многократно копироваться, извлекаться из контекста, включаться в коммерческий продукт или использоваться для обучения алгоритма. Классические права интеллектуальной собственности охватывают не все интересы. Как показывает Х.М. Марек, статус цифровых копий, трехмерных моделей и баз данных зависит от множества субъектов и не всегда обеспечивает баланс между публичным доступом и контролем учреждений [17].

Особенно уязвимы традиционные знания и коллективные практики. Дж. Пол показывает, что индивидуалистическая и товарная логика интеллектуальной собственности плохо приспособлена к знаниям, которые создавались коллективно и не предназначались для свободной коммерциализации [18]. Правовая проблема заключается не только в наличии исключительного права, но и в сохранении контекста, признании происхождения и возможности сообщества определить допустимый круг использования. Даже материал, формально находящийся в общественном достоянии, может требовать этических и договорных ограничений, если публикация затрагивает сакральные знания или создает риск присвоения.

Работа И. Спано и Ю. Чжан предлагает использовать принципы суверенитета данных: контроль, владение и ответственное попечительство сообществ, встроенные в публично-частные партнерства по умолчанию [19]. Для национальной системы это не обязательно означает признание абсолютной собственности на все культурные данные. Более реалистичным является многоуровневый режим: открытые данные общего доступа; материалы с обязательной атрибуцией; данные, доступные для некоммерческих исследований; материалы, использование которых требует согласия; закрытые или ограниченные сакральные данные. Режим должен фиксироваться в метаданных и договоре до начала оцифровки.

Особого регулирования требует искусственный интеллект. Языковые аудиозаписи, устные истории, изображения орнаментов и музыкальные произведения могут использоваться для обучения генеративных моделей, после чего происхождение и вклад носителей становятся невидимыми. В договорах государственного заказа и партнерства следует закреплять запрет на обучение сторонних моделей без отдельного согласия, обязанность раскрывать наборы данных, условия хранения и удаления, аудит подрядчика и порядок распределения выгод. Для общественно значимых языковых технологий, напротив, могут применяться лицензии, допускающие контролируемое использование при сохранении атрибуции и некоммерческой цели.

Комплексный план 2026–2028 гг. создает благоприятное окно для внедрения таких правил, поскольку предусматривает современные технологические меры в сфере наследия [24]. Предлагается утвердить типовой протокол управления культурными данными для государственных музеев, архивов, библиотек и цифровых подрядчиков. Протокол должен содержать карту прав и интересов, оценку риска, подтверждение происхождения, режим доступа, требования к информационной безопасности, условия повторного использования, сохранение исходных файлов, процедуру исправления и механизм обращения носителей.

Цифровое регулирование должно сочетаться с принципом минимальной достаточности. Не вся культурная информация должна быть максимально открыта; одновременно чрезмерное ведомственное ограничение может лишить общество доступа к наследию. Решение должно исходить из цели, характера материала, воли носителей, риска вреда и общественного интереса. Такая дифференциация лучше соответствует динамической природе культурного кода, чем бинарный выбор между полной закрытостью и неограниченным открытым доступом.

Направления совершенствования законодательства и практики

Отдельный закон под названием «О культурном коде» наш анализ не поддерживает. Такой акт придал бы междисциплинарному понятию излишне жесткое содержание и во многом продублировал действующее культурное законодательство. Разумнее пойти функциональным путем – дорабатывать Закон «О культуре» и подзаконные процедуры. Регулировать при этом следует отношения по сохранению, участию, передаче и использованию, а не официальный перечень обязательных ценностей.

Во-первых, общие принципы культурного законодательства стоит дополнить. Речь о культурном разнообразии, участии носителей, недопустимости дискриминации, доступности, прозрачности признания, сохранении контекста и ответственной цифровизации. Во-вторых, нужен минимальный набор процедурных прав сообществ при идентификации и охране нематериального наследия: право на информацию и представительство, право представить свои материалы и получить мотивированный ответ, участие в плане охраны, возможность инициировать пересмотр. В-третьих, правила Национального перечня нуждаются в двух дополнениях – критериях репрезентативности и порядке урегулирования разногласий между носителями.

В-четвертых, жизнеспособность включенных элементов следует оценивать периодически. Перечень не архив с бессрочным хранением: раз в определенный срок нужно смотреть, как идет передача, участвует ли молодежь, какие появились угрозы, сохранился ли доступ к пространству практики, дали ли эффект меры поддержки. Исключение элемента при этом не может быть санкцией за то, что традиция изменилась, – наоборот, пересмотр описания должен фиксировать ее развитие. В-пятых, у плана охраны должны быть юридически определенные исполнители, бюджет, сроки и показатели, а не общие пожелания.

В-шестых, полезен межведомственный координационный формат с участием культуры, образования, науки, цифрового развития, туризма, экологии и местных органов. Подменять уполномоченный орган он не должен; его дело – находить противоречия и давать культурно-правовую оценку проектам с существенным воздействием. В-седьмых, требуется процедура независимого административного пересмотра решений по перечням и по цифровому использованию культурных материалов. Там, где есть обжалование, качество первичного решения выше, а менее влиятельные участники защищены.

В-восьмых, цифровым проектам нужно типовое положение об управлении культурными данными – с охватом оцифровки, языковых корпусов, виртуальных музеев, мобильных приложений, баз традиционных знаний и генеративного искусственного интеллекта. В-девятых, обязательные условия следует прописывать в государственных закупках: происхождение материала, лицензирование, передача исходных файлов государственному учреждению, запрет несанкционированного вторичного использования, доступность интерфейса и удаление копий у подрядчика после завершения проекта.

В-десятых, следует оценить перспективы дальнейшего сближения национальной политики с принципами Конвенции ЮНЕСКО 2005 г. о защите и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения [25]. Для настоящего исследования этот документ используется как сравнительный ориентир, подчеркивающий право государств проводить культурную политику при одновременной поддержке разнообразия, творчества и участия гражданского общества. Его принципы дополняют наследственный подход, поскольку культурный код воспроизводится не только через сохранение прошлого, но и через современное культурное производство.

Предлагаемые изменения могут быть реализованы поэтапно. На первом этапе возможны обновление подзаконных правил и типовых договоров. На втором – внесение поправок в Закон «О культуре», закрепляющих процедурные принципы и цифровые гарантии. На третьем – создание системы мониторинга, включающей не только количественные, но и качественные показатели. Такая последовательность позволяет избежать декларативного расширения закона и сосредоточиться на исполнимых процедурах.

Заключение

Правовые механизмы формирования культурного кода не сводятся к охране отдельных памятников, традиций или официальных символов – таков основной вывод работы. Культурный код живет в деятельности конкретных носителей, институтов и аудиторий: в языке и образовании, в памяти и ритуале, в культурном производстве, в обращении с пространством, а теперь и в цифровой коммуникации. Право действует здесь опосредованно. Оно признает права и ценности, распределяет полномочия и ресурсы, задает процедуры, ограничивает злоупотребления и строит инфраструктуру передачи – но не производит смыслы само.

Гипотеза о пятиуровневой структуре механизма подтвердилась. Конституционно-ценностный уровень очерчивает пределы государственной политики, гарантируя достоинство, равенство, свободу и культурное участие. Ниже располагается институционально-политический – компетенция органов, финансирование, межведомственная координация. Наследственно-трансляционный уровень отвечает за то, чтобы практика не только фиксировалась, но и оставалась жизнеспособной. Правозащитно-партиципаторный дает носителям возможность влиять на решения и защищает доступ различных групп. Замыкает конструкцию цифровой и интеллектуально-правовой уровень: данные, лицензии, цифровые копии, традиционные знания, обучение алгоритмов.

Нормативный фундамент в Казахстане солиден. Новая Конституция, Закон «О культуре», Закон об историко-культурном наследии, Закон о языках, Концепция культурной политики, правила Национального перечня и Комплексный план 2026–2028 гг. вместе покрывают основные направления. Проблема в другом – не в отсутствии регулирования, а в его процедурной и межотраслевой рыхлости. Полномочия прописаны детально, объектная охрана тоже, а вот права носителей, порядок обжалования, критерии репрезентативности и цифровые гарантии остаются куда менее определенными.

Главный риск создает государственно-центричная модель признания. Перечни и экспертные решения нужны – без них нет ни учета, ни финансирования. Но они же способны закрепить за одной версией практики преимущественный статус и вытеснить менее влиятельных участников. Выход мы видим в переходе от символической консультации к совместной выработке решений: информирование, репрезентативное участие, мотивированный ответ на альтернативные позиции, соавторство в плане охраны, периодический пересмотр. Экспертиза при этом сохраняет свое значение, но перестает быть монополией на культурную интерпретацию.

Отсюда и практические предложения: дополнить принципы Закона «О культуре», развить процедурные права сообществ, обновить правила ведения Национального перечня, ввести периодическую оценку жизнеспособности элементов и межведомственную культурно-правовую оценку проектов, предусмотреть независимый административный пересмотр и типовой протокол управления культурными данными. Ни одна из этих мер не фиксирует содержание культурного кода сверху. Все они работают на другое – на правовую среду, где преемственность уживается с разнообразием, современным творчеством и технологическим развитием.

Правовое формирование культурного кода, таким образом, есть обеспечение условий его свободного и ответственного воспроизводства. Мерой успеха служит не число официально признанных элементов. Важнее другое: сохраняют ли носители способность практиковать, передавать, изменять и объяснять свою культуру; равен ли для граждан доступ к культурной жизни; предотвращается ли недобросовестное присвоение; готовы ли институты пересматривать собственные решения, получив обратную связь. В такой постановке интерес культурной преемственности не конфликтует с требованиями правового государства, а опирается на них.

Информация о финансировании. Статья была подготовлена на основе исследования, проведенное в рамках программно-целевого финансирования (ПЦФ) Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан по научно-технической программе «Культурный код и мировоззренческие основания тюркской общности Центральной Азии в письменных памятниках: религиозные и экономико-институциональные механизмы исторической трансформации» (ИРН: BR34637568).

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Аймағамбетова М.М., Садыкова А.К. Қазақстанның медиа дискурсындағы мәдени код // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Филологические науки». – 2021. – Т. 1. – № 1(75). – С. 386–393. DOI: 10.51889/2021-1.1728-7804.67.
- 2 Лаптева Л.Е. Культурный код России в историко-правовых исследованиях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 12(124). – С. 145–153. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.145-153.
- 3 Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 14.07.2026).
- 4 О культуре: Закон Республики Казахстан от 15 декабря 2006 года № 207-III. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000207_ (дата обращения: 14.07.2026).
- 5 Об утверждении Концепции культурной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 250. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000250> (дата обращения: 14.07.2026).
- 6 United Nations. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. New York, 16 December 1966. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/cescr.pdf> (accessed: 14.07.2026).
- 7 Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General Comment No. 21: Right of Everyone to Take Part in Cultural Life (Art. 15, para. 1(a), of the Covenant). E/C.12/GC/21. 21 December 2009. URL: <https://undocs.org/E/C.12/GC/21> (accessed: 14.07.2026).
- 8 UNESCO. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. Paris, 16 November 1972. URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-en.pdf> (accessed: 14.07.2026).
- 9 UNESCO. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Paris, 17 October 2003. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/01852-EN.pdf> (accessed: 14.07.2026).
- 10 О ратификации Конвенции об охране нематериального культурного наследия: Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2011 года № 514-IV. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000514> (дата обращения: 14.07.2026).
- 11 Lázaro Ortiz S., Jiménez de Madariaga C. The UNESCO Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage: A Critical Analysis // International Journal of Cultural Policy. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 327–341. DOI: 10.1080/10286632.2021.1941914.
- 12 Eichler J. Intangible Cultural Heritage, Inequalities and Participation: Who Decides on Heritage? // The International Journal of Human Rights. 2021. Vol. 25. No. 5. P. 793–814. DOI: 10.1080/13642987.2020.1822821.
- 13 Sikora K. The Right to Cultural Heritage in International Law, with Special Reference to Indigenous Peoples' Rights // Santander Art and Culture Law Review. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 149–172. DOI: 10.4467/2450050XSNR.21.022.15267.
- 14 Lixinski L. Excavating the Field of Heritage Law: Support, Renewal, and Iconoclasm // International Journal of Cultural Property. 2023. Vol. 30. No. 3. P. 264–279. DOI: 10.1017/S0940739123000152.
- 15 Bhati H.V., Epstein Y. Protection of Biocultural Heritage in the Anthropocene: Towards Reconciling Natural, Cultural, Tangible and Intangible Heritage // Journal of Environmental Law. 2023. Vol. 35. No. 3. P. 353–375. DOI: 10.1093/jel/eqad020.
- 16 Higgins N., Ferri D., Donnellan K. Enhancing Access to Digital Culture for Vulnerable Groups: The Role of Public Authorities in Breaking Down Barriers // International Journal for the Semiotics of Law. 2023. Vol. 36. No. 5. P. 2087–2114. – DOI: 10.1007/s11196-022-09959-6.
- 17 Marek H.M. Navigating Intellectual Property in the Landscape of Digital Cultural Heritage Sites // International Journal of Cultural Property. 2022. Vol. 29. No. 1. P. 1–21. DOI: 10.1017/S0940739122000054.
- 18 Paul J. Traditional Knowledge Protection and Digitization: A Critical Decolonial Discourse Analysis // International Journal for the Semiotics of Law. 2023. Vol. 36. No. 5. P. 2133–2156. DOI: 10.1007/s11196-023-09989-8.
- 19 Spano I., Zhang Y. Indigenous Data Sovereignty in Intangible Cultural Heritage Governance: A Complementary Approach to Public–Private Partnerships // International Journal of Cultural Property. 2025. Vol. 32. No. 2. P. 167–193. DOI: 10.1017/S0940739125100064.
- 20 Alshehaby F. Assessing the Legal Protection of Intangible Cultural Heritage in Saudi Arabia: A Critical Analysis in the Context of the 2003 UNESCO Convention // Laws. 2024. Vol. 13. No. 2. Article 13. DOI: 10.3390/laws13020013.
- 21 Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия: Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 288-VI ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000288> (дата обращения: 14.07.2026).
- 22 О языках в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-I. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151_ (дата обращения: 14.07.2026).

23 Об утверждении Правил формирования и ведения Национального перечня элементов нематериального культурного наследия Республики Казахстан: приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 30 ноября 2015 года № 368. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012594> (дата обращения: 14.07.2026).

24 Об утверждении Комплексного плана по сохранению и продвижению культурного наследия под эгидой ЮНЕСКО и ИСЕСКО на 2026–2028 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 30 марта 2026 года № 196. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2600000196> (дата обращения: 14.07.2026).

25 UNESCO. Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions. Paris, 20 October 2005. URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-protection-and-promotion-diversity-cultural-expressions> (accessed: 14.07.2026).

REFERENCES

1 Aimagambetova M.M., Sadykova A.K. (2021) Qazaqstannyn media diskursyndagy madeni kod // Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya «Filologicheskie nauki». Vol. 1, no. 1(75), pp. 386–393. DOI: 10.51889/2021-1.1728-7804.67. (In Kazakh).

2 Lapteva L.E. (2024) Kul'turnyj kod Rossii v istoriko-pravovyh issledovaniyah // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). No. 12(124), pp. 145–153. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.145-153. (In Russian).

3 Konstituciya Respubliki Kazahstan: prinyata na respublikanskom referendume 15 marta 2026 goda. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (accessed: 14.07.2026). (In Russian).

4 O kul'ture: Zakon Respubliki Kazahstan ot 15 dekabrya 2006 goda No. 207-III. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000207_ (accessed: 14.07.2026). (In Russian).

5 Ob utverzhdenii Konceptii kul'turnoj politiki Respubliki Kazahstan na 2023–2029 gody: postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 28 marta 2023 goda No. 250. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000250> (accessed: 14.07.2026). (In Russian).

6 United Nations (1966) International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. New York, 16 December 1966. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/cescr.pdf> (accessed: 14.07.2026). (In English).

7 Committee on Economic, Social and Cultural Rights (2009) General Comment No. 21: Right of Everyone to Take Part in Cultural Life (Art. 15, para. 1(a), of the Covenant). E/C.12/GC/21. 21 December 2009. URL: <https://undocs.org/E/C.12/GC/21> (accessed: 14.07.2026). (In English).

8 UNESCO (1972) Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. Paris, 16 November 1972. URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-en.pdf> (accessed: 14.07.2026). (In English).

9 UNESCO (2003) Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Paris, 17 October 2003. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/01852-EN.pdf> (accessed: 14.07.2026). (In English).

10 O ratifikacii Konvencii ob ohrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya: Zakon Respubliki Kazahstan ot 21 dekabrya 2011 goda No. 514-IV. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000514> (accessed: 14.07.2026). (In Russian).

11 Lázaro Ortiz S., Jiménez de Madariaga C. (2022) The UNESCO Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage: A Critical Analysis // International Journal of Cultural Policy. Vol. 28, no. 3, pp. 327–341. DOI: 10.1080/10286632.2021.1941914. (In English).

12 Eichler J. (2021) Intangible Cultural Heritage, Inequalities and Participation: Who Decides on Heritage? // The International Journal of Human Rights. Vol. 25, no. 5, pp. 793–814. DOI: 10.1080/13642987.2020.1822821. (In English).

13 Sikora K. (2021) The Right to Cultural Heritage in International Law, with Special Reference to Indigenous Peoples' Rights // Santander Art and Culture Law Review. Vol. 7, no. 2, pp. 149–172. DOI: 10.4467/2450050XSNR.21.022.15267. (In English).

14 Lixinski L. (2023) Excavating the Field of Heritage Law: Support, Renewal, and Iconoclasm // International Journal of Cultural Property. Vol. 30, no. 3, pp. 264–279. DOI: 10.1017/S0940739123000152. (In English).

15 Bhati H.V., Epstein Y. (2023) Protection of Biocultural Heritage in the Anthropocene: Towards Reconciling Natural, Cultural, Tangible and Intangible Heritage // Journal of Environmental Law. Vol. 35, no. 3, pp. 353–375. DOI: 10.1093/jel/eqad020. (In English).

16 Higgins N., Ferri D., Donnellan K. (2023) Enhancing Access to Digital Culture for Vulnerable Groups: The Role of Public Authorities in Breaking Down Barriers // International Journal for the Semiotics of Law. Vol. 36, no. 5, pp. 2087–2114. DOI: 10.1007/s11196-022-09959-6. (In English).

17 Marek H.M. (2022) Navigating Intellectual Property in the Landscape of Digital Cultural Heritage Sites // International Journal of Cultural Property. Vol. 29, no. 1, pp. 1–21. DOI: 10.1017/S0940739122000054. (In English).

18 Paul J. (2023) Traditional Knowledge Protection and Digitization: A Critical Decolonial Discourse Analysis // International Journal for the Semiotics of Law. Vol. 36, no. 5, pp. 2133–2156. DOI: 10.1007/s11196-023-09989-8. (In English).

19 Spano I., Zhang Y. (2025) Indigenous Data Sovereignty in Intangible Cultural Heritage Governance: A Complementary Approach to Public–Private Partnerships // International Journal of Cultural Property. Vol. 32, no. 2, pp. 167–193. DOI: 10.1017/S0940739125100064. (In English).

20 Alshehaby F. (2024) Assessing the Legal Protection of Intangible Cultural Heritage in Saudi Arabia: A Critical Analysis in the Context of the 2003 UNESCO Convention // Laws. Vol. 13, no. 2, article 13. DOI: 10.3390/laws13020013. (In English).

21 Ob ohrane i ispol'zovanii obektov istoriko-kul'turnogo naslediya: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabrya 2019 goda No. 288-VI ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000288> (accessed: 14.07.2026). (In Russian).

22 O yazykah v Respublike Kazakhstan: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 iyulya 1997 goda No. 151-I. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151> (accessed: 14.07.2026). (In Russian).

23 Ob utverzhdenii Pravil formirovaniya i vedeniya Nacional'nogo perechnya elementov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Respubliki Kazakhstan: prikaz Ministra kul'tury i sporta Respubliki Kazakhstan ot 30 noyabrya 2015 goda No. 368. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012594> (accessed: 14.07.2026). (In Russian).

24 Ob utverzhdenii Kompleksnogo plana po sohraneniyu i prodvizheniyu kul'turnogo naslediya pod egidoj UNESCO i ISESCO na 2026–2028 gody: postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 30 marta 2026 goda No. 196. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2600000196> (accessed: 14.07.2026). (In Russian).

25 UNESCO (2005) Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions. Paris, 20 October 2005. URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-protection-and-promotion-diversity-cultural-expressions> (accessed: 14.07.2026). (In English).

АБУЕВА Н.А.,*^{1,2}

с.ф.д., профессор.

*e-mail: abu2007@bk.ru;

n.abueva@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0002-7550-9261

БУЗЕЛО А.С.,¹

ф.ф.к., профессор.

e-mail: a.buzelo@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0001-5457-1237

ШИНДАЛИЕВА М.Б.,¹

пед.ф.д., профессор.

e-mail: m.shindaliyeva@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0002-7813-9294

КАРАКУШЕВ Д.Б.,¹

әлеум.ф.м., маман.

e-mail: 23242594@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0009-7927-631X

¹«Тұран» университеті,

Алматы қ., Қазақстан

²Юесю Чжэцзян

шетел тілдері университеті,

Шаосин қ., ҚХР

МӘДЕНИ КОДТЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ

Аңдатпа

Мәдени код қоғамның тарихи жадын, тілін, құндылықтарын, рәміздерін, дәстүрлері мен әлеуметтік тәжірибелерін біріктіретін динамикалық мағыналар жүйесі болып табылады. Алайда құқықтық ғылымда оны қалыптастырудың тетіктері көбіне мәдени мұраны қорғау жөніндегі жекелеген нормалармен теңестіріледі, ал құқықтардың, рәсімдердің және цифрлық кепілдіктердің өзара байланысы жеткілікті ашылмайды. Зерттеудің мақсаты – халықаралық стандарттар мен Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасын талдау негізінде мәдени кодты қалыптастырудың кешенді құқықтық моделін әзірлеу. Жұмыста формальды-заңдық, жүйелік-құрылымдық, салыстырмалы-құқықтық, герменевтикалық және тәуекелге бағдарланған

әдістер қолданылды. Мәдени код құқықпен тікелей «жасалатын» тұрақты мазмұн емес, қауымдастықтардың қатысуымен сақталатын, түсіндірілетін және ұрпақтан ұрпаққа берілетін мәдени мағыналар жүйесі ретінде негізделді. Құқықтық механизмдердің бес деңгейі айқындалды: конституциялық-құндылықтық; институционалдық-саяси; мұраны анықтау, қорғау және беру; қатысу мен мәдени құқықтарға кепілдік беру; цифрлық және зияткерлік-құқықтық реттеу. Қазақстандық модельдің күшті жақтарымен қатар, нормалардың салалық бытыраңқылығы, материалдық мұраны реттеудің басымдығы, тасымалдаушы қауымдастықтардың рәсімдік құқықтарының жеткіліксіз нақтылануы және мәдени деректерді цифрландырудың арнайы кепілдіктерінің әлсіздігі анықталды. Зерттеудің ғылыми құндылығы – мәдени кодты қорғау объектісі ретінде емес, құқықтық рәсімдер арқылы үздіксіз қайта өндірілетін қатынастар жүйесі ретінде түсіндіруінде.

Тірек сөздер: мәдени код, мәдени құқықтар, мәдени мұра, материалдық емес мәдени мұра, құқықтық механизм, қоғамдық қатысу, цифрландыру.

ABUYEVA N.A.,^{*1, 2}

d.polit.s., professor.

*e-mail: abu2007@bk.ru;

n.abueva@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0002-7550-9261

BUZELO A.S.,¹

c.philol.s., professor.

e-mail: a.buzelo@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0001-5457-1237

SHINDALIEVA M.B.,¹

d.ped.s., professor.

e-mail: m.shindaliyeva@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0002-7813-9294

KARAKUSHEV D.B.,¹

m.soc.s., specialist.

e-mail: k.dulat2002@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-7927-631X

¹Turan University,

Almaty, Republic of Kazakhstan

²Zhejiang Yuexiu University of

Foreign Languages,

Shaoxing, China

LEGAL MECHANISMS FOR THE FORMATION OF CULTURAL CODE

Abstract

Cultural code is a dynamic system of historical memory, language, values, symbols, traditions, and social practices that ensures the recognizability and continuity of a society. Legal scholarship, however, often reduces the mechanisms of its formation to fragmented rules on cultural heritage protection, while the interaction between rights, procedures, institutions, and digital safeguards remains insufficiently explained. This study aims to develop a legal model for the formation of cultural code based on international standards and legislation of the Republic of Kazakhstan. The research applies formal legal, systemic, comparative, hermeneutic, and risk-based methods. It argues that cultural code is not fixed content created directly by the state. Law establishes the conditions under which cultural meanings are preserved, interpreted, transmitted, and renewed with the participation of their bearers. Five levels of the legal mechanism are identified: constitutional and value-based regulation; institutional and policy regulation; identification, safeguarding, and transmission of heritage; guarantees of participation and cultural rights; and digital and intellectual-property regulation. Alongside the strengths of the Kazakhstani model, the analysis reveals sectoral fragmentation, the predominance of detailed rules on tangible heritage, insufficient specification of the procedural rights of bearer communities, and underdeveloped safeguards for the digital use of cultural data. The study contributes a shift from understanding cultural code as a static object of protection to viewing it as a system of social relations continuously reproduced through legal procedures.

Keywords: cultural code, cultural rights, cultural heritage, intangible cultural heritage, legal mechanism, public participation, digitization.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.07.2026